

DOI 10.32726/2411-3417-2019-2-50-60

УДК 93; 94; 327; 394

Александр Салицкий, Нелли Семенова

Китайские представления о мироустройстве: традиция и современность

Аннотация. *Успешное взаимодействие с современным Китаем трудно осуществлять без анализа представлений о мире, которые складывались в этой стране в послевоенные десятилетия. Эти представления, уходя корнями в глубины многовековой истории Поднебесной, остаются неисчерпаемым ресурсом стойкости китайской цивилизации перед лицом внешних испытаний. По мнению авторов, взгляды Китая на мироустройство, глобализацию и пути дальнейшего развития современного мира в целом правомерны и вполне конструктивны. А инициированная администрацией США в 2018 г. торговая война является своеобразным признанием обоснованности китайских представлений.*

Ключевые слова: *современный Китай, концепции мироустройства, подходы к глобализации, место Китая в мире, китаецентризм, международный порядок.*

Успешное взаимодействие с современным Китаем трудно осуществить без анализа представлений о мире, которые складывались в этой стране в послевоенные десятилетия, нанизываясь на стержень традиционного взгляда из Поднебесной на окружающие страны. Этот взгляд, уходя корнями в глубины многовековой истории страны, остается неисчерпаемым ресурсом стойкости китайской цивилизации перед лицом внешних испытаний и задает своего рода константу международной политики страны. Меняясь вместе с современным миром и обрастая новыми концептами, она остается неизменной в главном — устойчивом китаецентризме, самостоятельности и независимости.

Хотя традиционные представления китайцев об окружающем мире оказались в XIX столетии трагически неадекватными¹, они в новой обстановке так или иначе поддер-

1 Ложные представления об исключительности и превосходстве всего китайского в итоге привели к тому, что китайцы, задавленные огромным пластом собственной традиции, оказались не в состоянии воспринять ценности, приходящие извне [Мясников, с. 51].

Сведения об авторе: САЛИЦКИЙ Александр Игоревич — главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доктор экономических наук; sal.55@mail.ru.

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна — старший научный сотрудник отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, кандидат политических наук; semenovanelli-2011@mail.ru.

живались и возрождались великими революционерами и реформаторами страны в XX веке, будь то Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун или Дэн Сяопин¹. Каждый из них находил в опоре на традицию важнейший ресурс собственной оригинальной политики (в том числе внешней), что в конечном счете позволило Китаю в начале XXI века представить миру органичный сплав традиционного и современного мировоззрения.

Компоненты традиционного взгляда

Китаецентризм. Формирование основных принципов, на которых китайские правители строили отношения с близкими и дальними соседями, протекало одновременно с процессом складывания государственности, оформления идеологических и политических основ китайского общества. Поэтому неудивительно, что формирующаяся система внешнеполитических отношений в известной степени копировала иерархическую систему взаимосвязей, возникших в самом Китае. Сразу оговоримся, что термин «внешнеполитический», равно как и понятие «международные отношения», не очень подходят к традиционным воззрениям китайцев на окружающий мир, особенно после образования на территории Китая огромной империи Цинь. Достаточно вспомнить конфуцианскую сентенцию о том, что истинный владыка (ван) «ничто не считает внешним», а также то, что под наименованием Поднебесная (Тянься) мыслился не только Китай, но и весь мир. Своеобразное самоощущение, что «мы за все в ответе на планете», наложило свой отпечаток даже на характер территориальной экспансии китайских императоров, которая отличалась той особенностью, что, предполагая распространение их власти по всей Поднебесной, традиционная доктрина не придавала, во всяком случае до начала нового времени, особого значения демаркации границ империи, а порой даже отрицала существование границы с «варварами четырех сторон» и периферией [Бокщанин, с. 42].

Контуров этой великоханьской конструкции взаимоотношений в их общих чертах сложились к эпохе династий Суй и Тан (VI–X вв.), считающейся «золотым веком» в развитии китайской цивилизации. Составляющие систему вассалитета формальные проявления покорности, такие как соблюдение определенных протокольных норм и ритуалов, соответствующий язык в официальной переписке — высокомерный с китайской стороны и уничижительный со стороны покорного вассала, вручение зарубежным властителям пышных титулов и знаков отличия, подношение вассалом соответствующих даров и т.п., сами по себе не являлись чем-то уникальным в международной практике древности и средневековья. Однако только в Китае настолько детально был разработан и столь скрупулезно на протяжении многих веков соблюдался ритуал взаимоотношений правителей периферийных владений и народов с владыкой Поднебесной. Это позволяет говорить о существовании целостной, претендующей на глобальную универсальность системы международных отношений, функционировании некоего «китайского мирового порядка». По своим масштабам подобная система была сопоставима с международными отношениями европейских государств, но по своему содержанию она

1 Для многих восточных обществ вообще характерно воссоединение традиции и современности харизматическими лидерами страны [Политические системы... с. 133].

разительно отличалась от их норм, образцов внешнеполитического поведения, теории и практики [Бокщанин, с. 43]. Подчеркнем важную деталь китаецентризма — представление об иерархичном устройстве мира.

Традиционная детализированность прослеживается в практике современного дипломатического протокола КНР, предусматривающей, например, выяснение в беседе с иностранцами подробностей их биографии и места, занимаемого ими в иерархии своей страны; обязательный, независимо от степени владения, комплимент знанию китайского языка; неперенный обмен подарками. Тщательно отработаны форма и содержание дипломатической переписки, особое внимание уровню приема делегаций и порой гипертрофированное отношение к таким нюансам, как, через какую дверь и в какой очередности заходить в помещение, каков порядок рассаживания во время встреч и приемов и другим вопросам [Корсун].

Морально-этический максимализм. Место Китая как своеобразного центра глобализации в древние времена (т.е. Срединного государства) обосновывалось в том числе этически и даже космологически: именно на него, согласно легенде, спустилась небесная благодать, или моральная сила Дэ. Ее действие в некоторой степени распространилось и на варваров — причем на ближних в большей мере, чем на дальних.

Можно сказать, что закат цинской империи произошел не только по причине военных поражений от европейских держав и Японии, но и в силу безуспешных попыток обеспечить приверженность принципам и устоям, поддержать формально-престижные и этические элементы «китайского мирового порядка». Последняя империя утратила «мандат Неба», «потеряла лицо» перед подданными. При этом ее универсализм потерпел поражение от национализма европейцев, поскольку в Китае XIX в. не было того, что на Западе называлось «национальным государством», не было официального названия государства, не было определенных границ, не было государственного флага, герба, гимна. Не было, как отмечают китайские историки, и национального чувства: нельзя было под знаменем национализма провести общегосударственную мобилизацию для отражения иностранной агрессии [Свешников, с. 10].

Но основатель нового китайского национализма Сунь Ятсен, начав борьбу за «собрание китайских земель», этим не ограничился, претендуя на право обладания «универсальным мандатом». Важной составляющей его доктрины выступал морально-этический компонент: отторжение пороков западного капитализма и лидерство Китая в некоем сообществе «всех угнетенных наций и государств», «слабых и малых народов», «желтых и цветных» — во всемирном противодействии социально-этических ценностей Востока «грубому материализму» Запада. Именно подобное традиционно-конфуцианское прочтение суньятсенизма было признано истинным и стало идеологической основой гоминьдановского режима [Корсун].

В наши дни Пекин уделяет повышенное внимание престижным и репутационным моментам и при этом довольно болезненно реагирует на зарубежную критику своей внешней политики и, особенно, представления о китайской угрозе [Ван Хайюнь, с. 6–8].

Стратagemность и долгосрочное планирование. Тщательный анализ внешней обстановки — в китайской традиции необходимое условие решения крупных государственных задач путем использования разного рода стратагем, т.е. скрытых от противника долговременных планов, а также тактических и дипломатических приемов и хитростей. Цель в стратагемной дипломатии оправдывает средства, теория же военного искусства нередко ориентирована не на прямое столкновение с противником, а экономию собственных сил. Примером тактической стратагемы в русской истории, хорошо известной китайцам, является план М.И. Кутузова в войне 1812 г.: «отдать Москву — сохранить армию». Более близкий по времени пример — политика Чан Кайши в отношениях с США в годы антияпонской войны, позволившая добиться для Китая статуса великой державы, сохраняя силы для будущих баталий с коммунистами, и даже достичь договоренностей с США о получении после войны сферы китайского влияния в Юго-Восточной Азии за счет европейских колониальных держав [Каткова, с. 255–262]. Частью стратагемного мышления можно назвать принцип индетерминизма: вчерашний союзник мог сегодня оказаться соперником, и наоборот. Угрозы таили в себе возможности и т.п.

Традиционная черта китайского мировоззрения — умение мыслить длительными временными отрезками, выстраивать многоэтапную стратегию взаимодействия с окружающим миром. В ней оставалось место для бездействия, выжидания и даже временных отступлений и поражений, поскольку в Поднебесной сохранялась уверенность в конечной способности ассимилировать вторгнувшегося противника силой морально-этического и культурного превосходства, а не только вооруженным путем. Заметим, что в результате такой ассимиляции нередко происходило территориальное расширение Китая — за счет земель поглощенного агрессора. Но в целом земледельческая цивилизация исповедовала оборону и, в частности, приложила длительные титанические усилия к созданию крупнейшего в мире фортификационного сооружения — Великой китайской стены.

В новом Китае привычно выдвижение планов и задач со сроками выполнения, которые в других странах показались бы удивительными. Так, в 1955 г. Мао Цзэдун поставил задачу догнать США за 50 — 70 лет; на середину XXI в. в 80-е годы был запланирован выход Китая в число ведущих государств мира, и т.п.

Персонафикация политики. Китайские представления о внешней политике зарубежных государств, в том числе по отношению к Китаю, нередко персонафицируются — подобно тому как в былые времена те или иные события связывались с именами монархов, императоров или полководцев. Фактически на зарубежные страны переносится собственная модель государственного устройства, в которой важнейшие внешнеполитические решения принимает лидер страны. Так, с негативной коннотацией воспринималась политика Н.С. Хрущева и Рональда Рейгана, с положительной — И.В. Сталина и Ричарда Никсона.

Наконец, добавим, что перечисленные и некоторые другие компоненты традиционного взгляда на мир тесно переплетены между собой, цельность этой конструкции спо-

собствовала ее воспроизведению в том или ином виде на современном этапе — после образования КНР в 1949 г.

Концепты современного миропонимания

Первые научные работы китайских международныхников относятся к 20-м и в особенности 30-м годам прошлого столетия. В 1933 г. увидела свет монография «Международные отношения Китая», в 1936 г. — «История дипломатии Китайской Республики». В этот же период издавались журналы «Восток», «Мировая политика», «Общественные и политические науки в Китае». Многие исследователи особо выделяют журнал «Шицзе чжиши» («Знания о мире»), издававшийся компартией в Шанхае с сентября 1934 г. Позднее, в 60-е годы, этот журнал был переведен в столицу.

В конце 30-х — начале 40-х годов появляются первые работы Мао Цзэдуна по международной проблематике. Важными для понимания его взглядов на мировой порядок и внешней политики будущей КНР были представления, изложенные в интервью с американской журналисткой Анной-Луизой Стронг в августе 1946 г. «Между Советским Союзом и Соединенными Штатами находится обширнейшая зона, которая охватывает многие капиталистические, колониальные и полуколониальные страны Европы, Азии и Америки. До тех пор, пока американские реакционеры не подчинят себе эти страны, не может быть и речи о нападении на Советский Союз» [Мао Цзэдун, с. 429]. Это высказывание получило название «*концепции промежуточных зон*» и имело большое значение для дальнейшего самоопределения Китая в мировой политике.

Первое десятилетие КНР прошло, между тем, под знаком активного участия Пекина в противостоянии «Восток — Запад». Заметим, что марксистская парадигма, выстраивавшая определенную иерархию стран по их стадильной зрелости на пути к коммунизму, некоторым образом коррелировала с традиционными представлениями китайцев о структурированном мировом порядке, однако жесткая дисциплина внутри социалистического лагеря сковывала инициативу и лишала Пекин с трудом обретенной независимости. В результате начал формироваться особый курс этой страны на международной арене.

К крупным концептуальным достижениям этого периода следует отнести *пять принципов мирного сосуществования*, сформулированные в 1954 г. На наш взгляд, они находились в гармоничном сочетании с морально-этической составляющей традиционных китайских представлений об окружающем мире. Кроме того, пять принципов обладали очевидным универсальным содержанием и особенно импонировали недавно освободившимся странам.

Уход из советского блока в 60-е годы потребовал определенной корректировки представлений о внешнем мире и месте в нем Китая. Перед китайскими международниками была поставлена задача по созданию развернутой внешнеполитической концепции, альтернативной разработкам советских и американских специалистов. В 1964 г. появилась модификация теории промежуточной зоны: она была разделена

на две части: страны Азии, Африки и Латинской Америки, во-первых, и капиталистические государства Западной Европы, Океанию и Канаду, во-вторых. Первая часть характеризовалась как главная зона бурь мировой революции (к ней примыкал и сам Китай), а СССР в этой схеме мог «вступить в сговор с США для борьбы за мировое господство» [Капица, с. 222]. Во второй половине 60-х годов концепция была дополнена понятиями «сверхдержав» и «гегемонизма», с 1965 г. пропагандировался тезис о неизбежности мировой войны.

Левацкий крен в международной деятельности Китая в период «культурной революции» отчасти компенсировался появлением прагматических мотивов, которые позднее связывались китайскими международниками с именем Чжоу Эньлая, разделявшего убеждение, что «во внешних связях Китая государственные интересы должны стоять выше идеологии и общественного строя» [Свешников, с. 18].

Относительно законченный вид концепция промежуточных зон обрела в *теории трех миров*, озвученной Дэн Сяопином на сессии ГА ООН в 1974 г. Согласно этому подходу, первый мир составляли склонные к гегемонизму сверхдержавы — США и СССР, второй мир образовывали развитые страны Европы (в том числе социалистические), третий — освободившиеся государства трех континентов. Важными для судеб мира представлялись совместные усилия второго и третьего мира по защите своей независимости от посягательств сверхдержав. Частью теории трех миров было самоопределение Китая — одновременно как социалистической и развивающейся страны, сохранившееся до сих пор.

Ранее в Пекине сделали вывод о большей угрозе со стороны СССР: «Американский империализм — это бумажный тигр, который уже давно проткнут народами мира, социал-империализм намного обманчивее по сравнению с империализмом старой марки и поэтому намного опаснее» [Жэньминь жибао. 01.10.1972]. В конце десятилетия такой подход и ощущение реальной угрозы с севера привели, в частности, к призыву Дэн Сяопина к совместной борьбе против СССР, сделанному во время визита в США в январе 1979 г.: «США, Китай, Япония, Европа и другие страны мира должны объединиться, чтобы справиться с советским гегемонизмом» [Жэньминь жибао. 02.02.1979].

Между тем с конца 70-х годов на первый план в Китае выходили хозяйственные задачи, страна стала осуществлять курс на открытость внешнему миру и выход из полуизоляции. Возникла необходимость в пересмотре взглядов на мироустройство, деидеологизации политики, ревизии конфронтационных подходов, создании благоприятных внешних условий для экономических реформ. Постепенно эта задача начала решаться — в том числе с помощью значительно оживившихся международных исследований. Одной из первых для нового миропонимания стала *идея «одно государство — два строя»*, положенная в основу переговоров с Великобританией в 1982–1984 гг. о будущем статусе Гонконга и имевшая явный прицел на решение тайваньской проблемы.

Менялось отношение к главным проблемам современности. На XII съезде КПК (1982 г.) констатируется принципиальная возможность избежать мировой войны.

Центральная международная установка съезда — *проведение независимой и самостоятельной внешней политики* — способствовала постепенному выравниванию отношений с США и СССР и начавшейся нормализации китайско-советских отношений. Противостояние сверхдержавам стало сочетаться с расширяющейся областью сосуществования с ними, за сверхдержавами признавалась способность к объективно позитивным действиям на международной арене, а не только к гегемонизму. Прямое столкновение США и СССР стало оцениваться как негативный фактор (определенную роль здесь сыграло знакомство с концепцией «ядерной зимы»). С середины 80-х годов положительные оценки в Пекине стало получать общее потепление международной обстановки.

Вторая половина 80-х годов стала весьма насыщенным и плодотворным периодом с точки зрения формирования обновленных и менее схематичных представлений о мире. Международная наука КНР к тому времени обогатилась тщательной инвентаризацией зарубежных исследований, в ее обиход прочно входила общепринятая терминология, быстро прогрессировало изучение мировой экономики и политики — во всей сложности происходивших в них изменений. Картина мира пополнилась представлением о «*комплексной государственной мощи*», развернулись интересные дискуссии о «*новом международном порядке*» и его составных частях. Стала популярной *концепция многополярности* (полицентризма), она и представление о едином взаимосвязанном мире постепенно вытесняли теорию трех миров.

Большой резонанс среди международников имела беседа Дэн Сяопина с представителями японского бизнеса в марте 1985 г. В ней китайский руководитель определил две глобальные проблемы современного мира. Первая, проблема мира, относилась к взаимодействию «Восток — Запад»; вторая, экономическая, — к отношениям «Север — Юг» [Дэн Сяопин, с. 125]. Такие идеи развивались в соответствии с представлением о наступлении нового этапа в истории человечества — *эпохи мира и развития*, вошедшем впоследствии в официальную внешнеполитическую доктрину КНР.

Драматические события рубежа 80-х — 90-х годов — как в самом Китае, так и в странах советского блока — поставили острые проблемы с точки зрения позиционирования страны в изменившемся мире, в котором складывалась ситуация «одна сверхдержава — несколько сильных держав». О необходимости установления «*разумного и справедливого нового международного порядка*»¹ говорил с трибуны ООН в 1991 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь. Среди основных движителей на пути к построению такого порядка и более демократичной системы международных отношений в Китае видели тенденцию к многополярности, которая на XVII съезде КПК (2007 г.) была признана необратимой. Это было отражено во внешнеполитических документах, в частности — в российско-китайской Декларации о многополярном мире и формиро-

1 В Китае различают понятия мирового и международного порядка. Первый зиждется на управлении миром наиболее мощными державами, отношениях господства и подчинения. Второй, к которому нужно стремиться, предполагает равенство суверенитетов всех стран — независимо от их мощи [Юй Суй, с. 38].

вании нового международного порядка, подписанной в апреле 1997 г. в ходе визита в РФ Цзян Цзэминя. Важно, что в понятие многополярности вкладывается идея многообразия социальных и политических систем, национальных культур. Новый международный порядок в представлении китайцев должен опираться на принципы мирного сосуществования, в которых особое значение придается невмешательству во внутренние дела других стран.

Можно сказать, что к рубежу столетий и в начале XXI в. Китай сформировал концептуально завершённый, достаточно гибкий и емкий взгляд на современное мироустройство, обеспечивший проведение результативной внешней политики. В этот период концептуальный багаж пополняется представлениями о гармоничном мире, многосторонности (мультилатерализме), мягкой и умной силе, понятиями ответственной глобальной державы, коренных национальных интересов, партнерств (в том числе стратегических), добрососедства и т.д.

Китай и глобализация

Подходы Китая к глобализации и их эволюция в XXI в. представляли собой интересный пример синтеза традиционных и современных элементов. Изначальный китаецентризм и настороженное отношение к глобализации сменились в конце второго десятилетия века готовностью взять на себя роль одного из ее центров.

Проводя принципиальное различие между национальным и мировым хозяйством, китайские ученые, как правило, избегали популярного в России термина «интеграция в мировую экономику». Они хорошо видели основную угрозу со стороны глобализации: деформацию экономических суверенитетов развивающихся и переходных стран, не позволявшую во многих случаях запустить механизмы роста и развития, сконцентрировать усилия на долгосрочных целях, ослабить неравенство в доходах, преодолеть региональные разрывы, обеспечить крупные вложения в инфраструктуру [Чжан Ювэнь, с. 3–4]. Вступление в ВТО в 2001 г. в этой связи трактовалось как необходимость, но необходимость неприятная — «двадцать плюсов, тридцать минусов» [Салицкий, с. 264].

Такой анализ отчасти опирался на важное положение, сформулированное в 1984 г. по итогам первых лет открытой политики: «Расширение связей с внешним миром предполагает еще большее расширение взаимосвязей между различными районами внутри страны» [Постановление, с. 39]. Говоря же о соотношении мирового и собственного хозяйства в те годы, китайцы иногда употребляли поговорку «лучше быть головой пехуха, чем хвостом коровы», подчеркивая значение самостоятельного и независимого подхода.

Добавим, что во внешнеэкономической сфере в реформированном и поначалу открыто протекционистском Китае широко применялись разнообразные тактические стратегемы: «импортом развивать экспорт», «открытостью укреплять опору на собственные силы», «отпускать малое, держать крупное». Сама схема поэтапного открытия страны для мирохозяйственных связей (специальные экономические зоны — откры-

тые портовые города — экспортные базы — прибрежные провинции — внутренние и западные регионы) напоминала эшелонированную оборону, а участие в международном разделении труда нередко представляло как процесс жесточайшей конкуренции и непрекращающейся экономической войны, деятельность в пространстве «экономического, валютного и технологического гегемонизма» [Тан Жэнь, с. 67].

Сопрягая представления о глобализации с нежелательностью однополярного мира, в Китае приходили к выводу о важности региональной интеграции как наиболее реалистичного пути к построению нового международного порядка.

Отношение к глобализации характеризуется в современном Китае широким разбросом мнений. Несмотря на очевидные успехи и выгоды открытой политики, немалую известность приобрели работы группы авторов (Фан Нин, Ван Сяодун и др.), рассматривавших глобализацию в том числе и как сговор западных и части китайских элит с целью эксплуатации Китая. Осуждая вестернизацию и основывая свой подход на примате национальных и традиционных ценностей, они определяли борьбу с Западом как стратегическую и долгосрочную, призывая, в частности, к формированию региональных альянсов в Азии [Галенович, с. 16–18; Габуев, с. 83–85]. В чем-то схожий взгляд у популярного политолога Янь Сюэтуна, считающего неизбежной новую биполярность «Китай — США», при которой для Пекина станет актуальным поиск союзников — среди них автор особо выделяет Россию [Янь Сюэтун, с. 24, 52].

Этапным событием в развитии взглядов на глобализацию и место Китая в мире стал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Многие китайские международники сочли его крупнейшим изменением в балансе сил со времени окончания холодной войны, ускорившим трансформацию системы «одна сверхдержава — несколько держав» в многополярный мир. Появились (быть может, несколько преждевременно) и представления о том, что эра однополярной американской гегемонии заканчивается и может никогда не вернуться [Портяков, с. 100].

Избежав разрушительного воздействия кризиса на собственное хозяйство, Китай, как представляется, окончательно адаптировался к глобализации. Более того, он увидел в ней благоприятную среду для своей внешнеэкономической экспансии, интенсификации курса «идти за рубеж», инициированного на рубеже столетий. Все это время из объекта глобализации (причем не очень уступчивого) Китай превращался в ее субъекта — с расширяющейся сферой собственного влияния не только в Азии (включая Центральную) и Африке, но и в Латинской Америке, Восточной Европе и т.д. В стране, совершившей экономический и технологический рывок и массово знакомившейся с зарубежным миром, крепло убеждение в необходимости пересмотра одного из заветов Дэн Сяопина — «держаться скромно, не демонстрируя свои доблести».

Своеобразным прорывом, концептуальным и практическим, стало принятие новым руководством страны в 2013 г. проекта Шелкового пояса и пути. Со временем он расширился, включив в 2017 г. страны Латинской Америки, оброс многочисленными соглашениями между государствами-участниками и международными организаци-

ями. Стержень проекта — инфраструктура, связывающая страны трех континентов, в создании которой Китай весьма преуспел у себя дома и потребности в развитии которой очень остры. Фактически речь идет о мощном импульсе глобализации, исходящем от Китая с его новыми инженерными и финансовыми возможностями. Об этом импульсе говорил Си Цзиньпин на экономическом форуме в Давосе в начале 2017 г.: «Мы должны приспособиться к экономической глобализации, сгладить негативный эффект от нее и принести ее положительное влияние во все страны» [Си Цзиньпин...].

Нынешнее превращение Китая в апологета глобализации и неумолимого критика протекционизма далеко не у всех вызывает одобрение. Столь быстрый пересмотр прежнего осторожного отношения к глобализации и приверженности опоре на собственные силы выглядит лицемерным и показным. Явно слабеет солидарность Китая с развивающимися странами, многие из которых оказались жертвами глобализации. Некоторые авторы прямо квалифицируют китайскую политику как «субимпериализм», зачисляя Пекин в группу поддержки мирового неолиберализма [Bond, p. 623]. Возможно, правомерен и тезис о возрождении традиционных имперских подходов Китая к окружающему миру.

Однако, говоря в целом, следует признать правомерным и конструктивным взгляд на мироустройство и глобализацию из крупнейшей торговой державы мира. Он, заметим, в любом случае наталкивается на серьезные препятствия и ограничения. Достаточно упомянуть торговую войну, инициированную администрацией Д. Трампа в 2018 г. Эта атака США, на наш взгляд, — своеобразное признание обоснованности китайских представлений о современном мире и путях его дальнейшего развития.

Литература

- Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв. М. 1968.
- Ван Хайюнь. Необходимость устранения препятствия в виде теории «китайской угрозы» в углублении взаимодействия между Китаем и Россией в освоении восточных регионов РФ (кит.) // Элосы сюэкань (Academic Journal of Russian Studies). 2019. №1. С. 5–14.
- Габуев А.Т. Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 10. С. 78–95.
- Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен!». М. 2009.
- Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М. 1988.
- Жэньминь жибао. 01.10.1972.
- Жэньминь жибао. 02.02.1979.
- Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. М. 1979.
- Каткова З.Д. Китайско-американские отношения в период тихоокеанской войны (декабрь 1941 г. — сентябрь 1945 г.) // Китай: государство и общество. М. 1977. С. 249–274.
- Корсун В.А. Китайский мировой порядок: трансформация внешнеполитической парадигмы. — URL: soldat.ru/files/4/53/90/485.html (дата обращения: 12.04.2019).
- Мао Цзэдун. Сборник избранных произведений. Пекин. 1972.
- Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII веке. М. 1980.

- Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. М. 2007.
- Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М. 2013.
- Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы (Принято на третьем пленуме ЦК КПК 12-го созыва 20 октября 1984 г.). Бэйцзин. 1984.
- Салицкий А.И. Глобализация: взгляд из Поднебесной // Вестник РАН. 2002. № 3. С. 263–269.
- Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. М. 1999.
- Си Цзиньпин принял участие в открытии ежегодной сессии ВЭФ в Давосе и выступил с основным докладом // СИНЬХУА Новости. 18.01.2017. — URL: russian.news.cn/2017-01/18/c_135991232.htm (дата обращения: 12.04.2019).
- Тан Жэнью. Реалии экономической глобализации и политика Китая (кит.) // Шицзе цзинцзи (Мировая экономика). 2000. № 10.
- Чжан Ювэнь. Новые проблемы, вызванные глобализацией (кит.) // Шицзе цзинцзи. 2000. № 11.
- Юй Суй. Диалектика современной мировой ситуации // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 33–42.
- Янь Сюэтуан. Инерция истории: Китай и мир в предстоящие 10 лет (кит.). CITIC Publishers, 2013.
- Bond P. BRICS banking and the debate over sub-imperialism // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. No 4. P. 611–629.